

Он взял микрофон, опустил глаза и тихо сказал:

— Я совершил серьёзную ошибку, это неоспоримо, и я не буду оправдываться. Я подвёл своих «Сяо Цзяньканов», и теперь это прозвище, наверное, больше не будут упоминать. Между фанатами и идиолом всегда существует негласный договор: фанаты поддерживают артиста, а артист должен жить, воплощая их идеал — сияющим и безупречным. Простите всех, я нарушил этот договор.

В зале воцарилась тишина, длившаяся секунд десять, лишь вспышки фотокамер продолжали сверкать. Лу Канцин глубоко вдохнул, поднял голову, его глаза были красными:

— Если бы можно было начать сначала, я никогда бы не сделал такого глупого выбора. Но в жизни нет «если бы». Ошибка есть ошибка. Спасибо всем, кто меня любил, и я надеюсь, что вы навсегда забудете меня. Не рассказывайте другим, что когда-то были фанатом идола, употреблявшего наркотики.

Пресс-конференция была короткой. Лу Канцина, окружённого сотрудниками, увели со сцены. На нём была чёрная кепка, козырёк опущен, голова склонена. В момент, когда он скрылся за кулисами, камера запечатлела, как он прикрыл глаза рукой, а плечи его содрогнулись.

В съёмочной группе «Плаха для лис» смотрели эту трансляцию за ужином. После просмотра за столом воцарилась мёртвая тишина. Спустя некоторое время Чжан Кайсин тяжело вздохнул, но ничего не сказал.

Цзян Цяо скосил взгляд на Тан Сю:

— О чём думаешь?

— А? — Тан Сю очнулся и усмехнулся. — Добро и зло имеют свои причины. Так и должно быть.

Артисты за столом с удивлением взглянули на Тан Сю. За время совместной работы он не был тем, кто бьёт лежачего. Но у него ведь были некоторые связи с Лу Канцином, и в такой ситуации его слова прозвучали чересчур рационально.

Но, к удивлению всех, Цзян Цяо, казалось, вполне разделял эту точку зрения. Он кивнул и сказал:

— Ошибка есть ошибка, и она действительно не заслуживает сочувствия.

— Режиссёр, а Ван Юй где? — снова спросил Тан Сю.

Выражение лица Цзян Цяо не изменилось:

— Я же дал ему полдня выходного. Наверное, ушёл.

— Понятно.

Около одиннадцати вечера артисты съёмочной группы уже собирались умыться и спать, но внезапное сообщение заставило всех встрепенуться.

Дорожная полиция одного города последние несколько дней после десяти вечера проводила случайные проверки на алкоголь. На этот раз они остановили как раз выехавшего на машине Ван Юя. Ван Юй, должно быть, выпил за ужином немного алкоголя. Хотя и немного, но алкотестер показал значение на грани допустимого, поэтому его отвезли в больницу для

анализа крови. Однако, оказавшись в больнице, он вдруг запаниковал, начал кричать, что не будет проходить никаких проверок, и вёл себя крайне неадекватно.

Полиция изначально не придавала этому особого значения — обычная проверка на алкоголь, да и было видно, что Ван Юй, скорее всего, не превысил лимит. Просто хотели окончательно удостовериться. Но его реакция была слишком ненормальной и вызвала подозрения.

Как раз после дела Лу Канцзина вышестоящие инстанции потребовали усилить проверки публичных лиц, поэтому полиция принудительно провела полный анализ крови, мочи и волос. В результате обнаружили следы марихуаны.

Дело Лу Канцзина только-только пошло на спад, публика ещё не успела отойти от шока, как вот уже другой артист попался. Серверы Weibo взорвались, страницы не грузились, приложение вылетало при попытке открыть. Тан Сю попробовал несколько раз, потом сдался, выключил телефон и собрался спать.

Марихуана может сохраняться в волосах до девяноста дней, в моче — максимум тридцать. А сегодня как раз был двадцать девятый день с того случая, когда Лу Канцзин сел за руль под кайфом.

Стяг сбора душ мирно висел у изголовья кровати. В темноте Тан Сю слегка тронул уголки губ.

И добро, и зло имеют свои причины и следствия. Если воздаяние не пришло — значит, время ещё не настало.

На следующее утро Тан Сю проснулся очень рано. За окном только-только начинало светать. Он сел, взглянул на телефон — без двух минут шесть.

Ночью ему приснился сон. Снилось, будто Цзян Цяо подавился тушёной говядиной, застрявшей в горле, и как ни кашлял — не мог выкашлять. В момент между жизнью и смертью Стяг сбора душ вдруг словно вошёл в раж, изо всех сил хлопнул Цзян Цяо по спине и заставил его выплюнуть застрявшее мясо.

... Сон был настолько абсурдным, что даже во сне Тан Сю догадался, что это сон.

Он сел и в светлеющих сумерках оглянулся на Стяг сбора душ — тот был спокоен, как и в каждую из прошедших тысяч ночей, без малейших признаков активности.

Тан Сю вздохнул. Приближалась осень, в комнате было сыровато и прохладно. Старый Предок, следуя принципам здоровья и долголетия, натянул на ноги плед и принялся, как обычно, взирать на свой Стяг сбора душ в задумчивости.

Эта старина то намекает на Сун Мяня, то на Лу Канцзина, то на Цзян Цяо. Но стоило ему разгадать секреты каждого по отдельности, как она снова принималась прикидываться мёртвой.

Нет, на самом деле он не разгадал секрет Цзян Цяо. Но вряд ли у Цзян Цяо вообще могли быть какие-то секреты. Его величайшая тайна — это то, что он, простой смертный из плоти и крови, осмелился влюбиться в вечно живого культиватора, да ещё влюбился открыто и честно, каждый день будто на взводе.

Вспомнив режиссёра из комнаты напротив, Старый Предок невольно вздохнул, сам не вполне понимая, о чём именно тревожится.

В расписании на сегодня значилась единственная сцена, где Тан Сю и Ван Юй снимались вместе, и она была назначена на второй утренний дубль. Закончив первый дубль, Тан Сю всё смотрел в сторону здания — Ван Юй с утра так и не появился. Должно быть, его ещё держали в участке. Цзян Цяо тоже отсутствовал — предыдущий дубль снимал второй режиссёр, и ещё неизвестно, пройдёт ли он проверку Цзян Цяо при пересмотре.

Чжан Кайсин стоял на месте, пока ассистент поправлял ему макияж, и с каменным лицом тихо проговорил:

— Не смотри. Режиссёр сегодня вряд ли придёт.

Тан Сю кивнул. Вчера он попросил Е Чжихэна задействовать связи, чтобы организовать «случайную» проверку, которая «как раз» зацепила Ван Юя. Теперь, наверное, все СМИ осаждают окрестности участка. Цзян Цяо вряд ли сможет с ним встретиться — вероятно, пропадёт на весь день.

Вся съёмочная группа отлично понимала: Цзян Цяо с утра пораньше смылся из группы, чтобы разбираться с делом Ван Юя. Говорили, сегодня под утро кто-то слышал, как Цзян Цяо разговаривал по телефону с агентом Ван Юя. Лицо у него было мрачнее тучи, всего сказал четыре фразы, вроде «нет», «невозможно», «такого прецедента нет». Во время съёмок всплыл такой серьёзный скандал — как ни крути, роль Ван Юя не сохранить.

Чжан Кайсин притянул Тан Сю поближе и тихо вздохнул:

— Говоришь, Ван Юю тоже не повезло. Хотя сам виноват, но если бы у режиссёра не сломалась рука, да он не лез бы к нему в последнее время с угодливостью, может, и обошлось бы.

Тан Сю посмотрел на него, но покачал головой:

— За зло рано или поздно наступает расплата. Простые смертные живут лишь один раз. Лучше не надеяться на удачу.

Услышав это, Чжан Кайсин на мгновение застыл. Его, человека на десяток лет старше, только что прочитал нотацию юнец. Но он не нашёлся, что ответить.

Тан Сю был молод, но от него исходила какая-то аура, и его наставления не звучали неестественно.

Чжан Кайсин вдруг вспомнил, как некоторое время назад его жена, выйдя вечером одна, столкнулась с угрозами — чтобы она больше не развивалась в материковом Китае. Если бы не её сообразительность, умение позвать на помощь и сбежать, её бы ещё и...

Он всё это время пытался выяснить, кто стоит за этим, не спал ночами от беспокойства. А потом вдруг получил анонимное письмо, где чётко указывалось, что за всем стоит Юй Инь. Он проверил по указанным следам — и точно, этот парень.

В последнее время случалось много странного. Казалось бы, к Тан Сю это не имеет отношения, но он почему-то чувствовал, что Тан Сю тоже излучает похожую странную ауру.

Пока Чжан Кайсин размышлял, Тан Сю вдруг спросил непринуждённым тоном, будто о пустяках:

— Старший, новости на прошлой неделе видел?

Сердце Чжан Кайсина ёкнуло:

— Какие новости?

— Юй Иня в переулке избили хейтеры, сломали два ребра, положили в больницу. Преступников поймали?

Глаза Тан Сю были тёмными и ясными. Сердце Чжан Кайсина снова дрогнуло. Он сохранил спокойное выражение лица:

— Вряд ли. В нашей среде таких разборок полно. Юй Инь — не такая уж большая звезда, полиция вряд ли станет тратить на него много сил.

— Да? — Тан Сю усмехнулся, его голос был лёгким, как ветерок. — А я слышал, он вообще не осмелился заявлять в полицию. Кости срастаются сто дней. Из-за этой госпитализации два-три готовившихся шоу сразу же заменили ведущего, а один сценарий, который он пытался заполучить, тоже мимо. Потери такие серьёзные, а он предпочёл не поднимать шума. Наверное, тоже совесть не чиста.

Чжан Кайсин смотрел на Тан Сю, долгое время не произнося ни слова.

<http://bllate.org/book/16171/1449921>